

ФИКРЕТ ГОДЖА

ЛЮДИ ЯСНОГО МИРА

Повесть

Перевод Тамары Калякиной

Вечерело. Ильяс киши сидел на обочине дороги спиной к заходящему солнцу. Он словно нарочно сел так: «Уходишь, иди, а я сам по себе, мне в другую сторону...» Брехали собаки, блеяли овцы, мычали коровы... К Ильясу эти звуки отношения не имели – скотина провожала солнце. В нескольких шагах от старика похрустывал травой гнедой конь. Ильяс киши прислушался и жесткой, как доска, ладонью погладил шелковистую траву. «Ишь, хрупают, прямо завидки берут – хоть пасись вместе с ним!» Он обернулся, окинул взглядом коня. Гнедой, видно, почувствовал – поднял голову, посмотрел на хозяина, фыркнул ...

– Пойдем, милый, пора! – Ильяс киши поднялся с земли. – Невестка дома одна, боится, небось... Пошли!..

Высокий, прямой, Ильяс киши легко шагал по дороге. Со стороны поглядеть – молодой мужчина, а ведь перевалило уже за восемьдесят. Из ровесников один Селим остался, только его на улице не увидишь, весь день сиднем сидит. С виду-то он еще ничего, да приступы какие-то начались – чуть погода похуже, удушье мучает...

Домой Ильясу киши идти не хотелось. Будь такая возможность, до утра бродил бы с гнедым где-нибудь тут, в округе. «Смотрю, коняга, состарились мы с тобой... И мне никакой цены, и ты никому не нужен – машины у всех... Насчет меня-то не сомневайся, я тебя ни на какую машину не сменяю. Да и дорога у меня впереди короткая...»

Заложив руки за спину, Ильяс киши неторопливо отмеривал шаги. Время от времени гнедой убыстрял ход и, подойдя совсем близко, тянулся мордой к ладони хозяина. Но коснуться её не хватало смелости.

У ворот Ильяс киши громко кашлянул, фыркнул гнедой. На втором этаже, в комнатах и на эйване, горел свет. У Ильяса смолоду была привычка – куда бы он ни пришел, мгновенно охватить все взглядом: дом, хлев, двор – каждый уголок, даже то, что за спиной, сзади. И сейчас, кашлянув у калитки, Ильяс киши успел заметить, что на верхнем эйване сидит Иси – сват. Рядом – невестка. Чай пьют отец с дочкой.

Заслышав свекра, невестка шмыгнула вниз. Ильяс сделал вид, что не заметил. Отвернулся к коню, погладил, шлепнул по крупу. «А ну, топай к себе!» Гнедой повернул к стойлу, а старик неспеша стал подниматься наверх.

– О-о! У нас гость!.. Здравствуй, Иси! Как делишки?

– Спасибо, Ильяс, все в порядке. – Гость встал, встречая хозяина. – Вот навещать пришел, думаю – тоскуешь один...

– И хорошо, что пришел. Да ты сиди, сиди! – Он опустил на один из тюфячков, подстроив под локоть подушки. – А насчет тоски, что ж... Не первый день на свете живу: всякое испытать довелось. И одиночество не впервой...

Так-то оно так, но весь день старик не находил себе места. Весь день мысленно говорил то с покойницей-женой, то с сыном. «Вот, сынок, дело-то какое: отправили твоего мальчика в армию. Сам послал – пускай, думаю, научится винтовку в руках держать. Нужно это, сам понимаешь, кто знает, как дело обернется... Прошлая война – она у меня до сих пор в печенках сидит. Ушли несмышлениши – чуть не каждый второй там остался... Ты-то хоть и вернулся, да осколок принес под сердцем. Все равно – считай, на войне погиб. ... Так уж пусть теперешние хорошо военную науку знают. Мало ли что...

Иси сказал старику неправду. Возвращаясь с поля, он заметил у реки темный силуэт Ильяса, и ему стало не по себе – дело к вечеру, темнеет, а дочка одна в таком домище... Он на минутку зашел домой, сказал, что пойдет проведать Ильяса – внука отправил в армию, скучает. Даже и чай пить не сел, там, дескать, чаевничать буду. Шел и ругал себя на чем свет стоит. Куда спешил, зачем дочку выдали – только-только десятилетку закончила? Учиться думала.. Не поймешь их, нынешних – у каждой любимый есть. А не любит, хоть в лепешку перед ней разбейся – не пойдет замуж, и все. «Ну вот и сиди, жди своего любимого! Хоть помри с тоски, утешать не буду!» Думал-то он так, но ноги, видно, не подозревали о его мыслях, с такой быстротой несли Иси к дочке, что и с соседом он поздоровался, можно сказать, на бегу.

– Куда это ты так, Иси? Случилось что?

– Нет. Ничего... Корова. Чтоб ей сдохнуть, забрела куда-то! – и, боясь, что сосед продолжит расспросы, быстро зашагал дальше.

... И вот они сидят и молчат. Внизу позвякивает посуда. Вокруг лампочки вьются мотыльки. То один, то другой, опалив крылышки, падает на пол.

Иси поглядел на мотыльков.

– Этот год по краям полей костры ночью будут раскладывать.

– Это зачем же?

– Да совка проклятая одолела! Полетит, небось, на огонь-то. Хоть сколько, да сгорит..

Дядя Ильяс поглядел, покачал головой.

– Эти букашки, дай им волю, все пожрут... – обернулся в ту сторону, откуда доносился звон посуды. – Ну, детка, что у тебя там есть пожевать? – жену внука старик ласково называл «детка».

– Довга, дедушка! Сейчас принесу. Подогрею только.

Ильяс киши молча кивнул – ладно.

– Гляжу я на тебя, Ильяс... – Иси вздохнул. – Какой-то ты не такой. Вроде не от мира сего. Люди вон из кожи лезут, чтобы сыновей оставить при себе, а ты своего парня сам в армию отправил. Ведь льгота же у него...

– Я хочу, чтобы мой мальчик стал мужчиной!

Иси махнул рукой.

– Я тебе так скажу, Ильяс...

Вошла Гюльзар с кувшином и тазом в руках. Поставила таз перед стариком. Тот знаком показал: сначала гость.

– Отец уже помыл руки.

Ильяс киши засучил рукава, ополоснул лицо. Оно у него было темное, чуть отдающее в красноту. Прозрачные капли скользили по бороздам морщин, как по стеклу...

– Ноги помыть, дедушка?

– Не надо, детка... – Ильяс киши утер лицо, протянул невестке полотенце. – Унеси!

Когда невестка ушла, Ильяс киши обернулся к гостю.

– Да? – сказал он. Это «да» означало «продолжай, я слушаю», – разговор был прерван на полуслове.

– Я про то, что теперь мужчина-не мужчина другой меркой меряют. При должности – значит, мужчина!.. Вот новый председатель, из Гарадаглы он... Так на людей орет!.. Уж я Бога молю, чтоб не задел как-нибудь – потому что не стерплю. Третьего дня сидим в правлении, вдруг слышу, молодые шепчутся: «Тише, киши пришел! Киши идет!..» Это они про председателя. А сидят-то: и стариков полно, и мужики в годах, выходит, те так себе, один председатель – киши!..

Ильяс киши усмехнулся, покачал головой.

– А выгонят из председателей – уже не мужчина будет?..

– Выходит, так...

Гюльзар принесла ужин.

***

Давно уже наступила ночь. Гюльзар не спала. Она с головой укрылась одеялом, виднелась лишь кончик носа да огромные черные глаза, устремленные на горящую лампочку. Электрический свет падал в комнату через окно, и на полу, и на стене, на одеяле Гюльзар лежала тень от оконной решетки...

Еще вчера Шахин был вот тут, рядом. До утра не спали, все говорили, говорили. Обо всем и ни о чем. Она не плакала. И утром, провожая его, не пролила ни слезинки.

А как пришла домой, легла, и ничего уже не могла с собой поделать. В горле стоял комок, давило в груди. Она не всхлипывала, а слезы текли и текли. Пролегала до полудня. Потом поднялась, умылась, пошла в огород – нарвать травок для довги. Подошла к грядке рейхана, опять комок в горле – Шахин так любил рейхан. Очень долго он вместо роз приносил ей пучочки рейхана. Она не хотела плакать, не хотела, но от аромата рейхана сами собой задергались губы, слезы навернулись на глаза. Гюльзар села и, широко раскрыв рот, несколько раз вздохнула поглубже... Хорошо, что дедушка ушел на весь день. Когда он вернулся, Гюльзар уже успокоилась...

Они выросли вместе. Отец Шахина умер, когда мальчику шел четвертый год. А спустя год и мать оставила его. Исчезла куда-то, когда собирали хлопок. Скоро стало известно, что невестка Ильяса-киши убежала с парнем из соседней деревни. Куда они скрылись – известно не было, ясно было одно – от страха перед Ильясом киши беглецы не решались обосноваться поблизости. Ильяс не простит такого – каждый уголок обыщет, а найдет беглецов, не пощадит – о его подвигах, о меткости его пуль и неукротимой смелости в сраженьях с гачагами ходили легенды. Еще и теперь, стоило дяде Ильясу нахмурить брови, все сразу затихали, настораживались. Да, все тогда были уверены: быть беде. Но дядя Ильяс поразил людей. Селиму, отцу сбежавшей невестки, он сказал всего несколько слов: «Сын умер. А невестка?.. Чего ей одной в моем доме век вековать?.. Случилось, значит, случилось. Значит, и это суждено пережить. Переживем...»

После этого случая дядю Ильяса стали уважать еще больше. Вот тогда-то Иси и Ниса уговорили Ильяса отдать им мальчика. Ильяс в то время заведовал фермой,

весь день был в отлучке, а ребенку присмотр нужен: и арык рядом, и змеи, и то, и се... Каждый вечер Ильяс забирал внука домой, а утром снова отводил его в дом Иси.

Иси женился поздно. У него было три брата – все старше него. Самый старший перед войной только окончил школу, двое учились в Баку. Иси жил с матерью, работал в колхозе. Старший брат обещал и его отправить учиться, но началась война. Братьев забрали в армию сразу. Когда призвали Иси, тот явился к Ильясу. Посидели, выпили чаю. Провожая парня, Ильяс киши сказал: «За своих не тревожься. Как все, так и они. Выдюжим. А насчет войны такой мне тебе наказ: держись крепче, целься метче!..» И ушел. Вернулся, когда кончилась война.

Иси ушел. Матери уже не было – как получила похоронку на старшего, сразу и померла. Два других брата пропали без вести. Иси ждал их пять лет. Только потом женился. Гюльзар была у них с Нисой первым ребенком.

***

Ночь кончалась.

– Шахин... Пиши почаще, хорошо?.. Главное – не простудись!.. Не знаешь, как служба считается – со дня призыва?..

– Не знаю. Я напишу...

Помолчали. Гюльзар повторила себе: «Не буду плакать! Ни за что не заплачу! Пускай сердце лопнет – не заплачу!..»

– Говорят, русские девушки красивые...

– Не болтай!..

– Да я так... Но ты помни: станешь на них засматриваться, узнаю! Во сне увижу!

– Сказано, не глупи... Будешь тут дурью маяться?! Первый день меня знаешь?

– Ой, Шахин, сама не знаю, что болтаю!..

– Мы же с тобой ведь договорились. Ты знала: поженимся – через месяц мне в армию. Отслужу, потом, если дедушка отпустит, вместе поедем учиться. Договорились?

– Конечно... Это я так... Не обращай внимания, пройдет...

Была ночь, и свет лампы, горевшей на айване, скользил по одеялу Гюльзар, по ее волосам, по лицу... Но теперь глаза были закрыты, лишь трепетали во сне длинные ресницы. Она видела: мчится поезд. Мчится. Мчится куда-то... А у окошка они: Шахин и Гюльзар...

И дядя Ильяс видел сон. Видел, будто вернулась молодость...

Гнедой тоже спал, и сладки были его видения: он, длинноногий стригунок, забрался в молодую, только что поднявшуюся пшеницу.

Не спали лишь лампочки: одна горела на верхнем айване, другая в саду, подвешенная на айвовой ветке...

***

С утра Ильяс киши испытывал какое-то непонятное чувство. Вроде бы, виноват он перед невесткой, неловко ему, все хочется оправдаться перед нею.

«Всех парней – в армию, – бормотал Ильяс киши, взмахивая топором, – а наш что – не парень?.. Льготу какую-то придумали!.. Дескать, стар стал Ильяс – одному не справиться. Дожил!.. Не зря говорят: ослу и верблюжья шкура – ноша. Нашли,

кого жалеть!.. Да будь моя воля, я бы и на кладбище своими ногами ушел, лишь бы быть людям не в тягость!..»

Дядя Ильяс поправлял забор и все ворчал: досталось и военкому, и Шахину, и невестке...

В полдень, когда он пил чай на эйване, ему пришло в голову разыскать работенку по силам. «Чего без дела шататься – и правда, будут считать: развалина! Хлев сам чищу, гнедого сам обихаживаю... Загородки в порядке содержу... Пойду вечером в правление, познакомлюсь с новым председателем, потолкуем, давай, скажу, мне какую-нибудь стариковскую работу!..»

Решил, и на душе полегчало, захотелось приласкать невестку.

– Томишься, детка? Скучно одной-то... А ты возьми да к своим сходи, я вечером зайду за тобой...

– Зачем? Ничуть не скучно, – не глядя на него, отозвалась Гюльзар и стала собирать посуду. – Чего это я буду дом бросать? Захотят, сами придут...

Улыбка тронула глаза старика. Ильяс киши распрямился, выпятил грудь и легким молодым движением поднялся с тюфячка.

Сбежал по лестнице, откашлялся, вздохнул поглубже... В хлеву заржал конь. «Иду, иду!» – крикнул Ильяс гнедому.

Все началось с того разговора в клубе.

Колхоз в последние годы просто-напросто разваливался. Все глубже увязал в долгах, по последним показателям стоял на последнем месте в районе. Председатели менялись каждый год. Нынешний был поставлен три месяца назад. Ильяс киши готовился женить внука, когда пошли разговоры, что опять снимают председателя.

Вот тогда-то и пожаловало к ним районное начальство: секретарь райкома, председатель исполкома, прокурор, начальник райзаготконторы. Ясно – приехали снимать. Но когда возле правления собрался народ, председатель колхоза вдруг сказал, что никакого собрания не будет, что секретарь райкома хочет побеседовать с аксакалами. Пошли по домам собирать стариков, насчет Ильяса киши секретарь предупредил особо. Когда старики собрались в клубе, секретарь с каждым поздоровался за руку. Он был еще молодой – на висках чуть пробивалась седина, но казался человеком умным и основательным. Лицо у него усталое, озабоченное.

Гости из района не стали подниматься на сцену, уселись тут же, рядом со стариками. Было тихо, только поскрипывал стул – Селим киши все пытался усесться поудобней...

– Прежде всего, извините, что беспокоили вас, пожилых людей, – секретарь райкома виновато склонил голову. – Но это необходимо: мы хотим посоветоваться с вами – отцами нашими, нашими старшими братьями. Я сам вырос в деревне и понимаю, что если земля не родит, если из года в год снижаются урожаи, виновата не земля, а те, кто ее обрабатывают.

– Молодой, а соображает, – шепнул Ильясу Селим.

– Так ведь старики-то из молодых выходят. Если смолоду дурень, и в старости умным не быть...

Секретарь райкома закурил. Чувствовалось, что говорить ему трудно. И что говорит он то, о чем уже давно и много думает...

Секретарь райкома откашлялся.

– Вы люди бывалые, хорошо знаете жизнь. Понять не могу, как случилось, что деревня, где столько аксакалов – воплощения народной мудрости – могла оказаться

в подобном положении... Должна ж быть какая-то причина. И вы ее знаете. Наверняка знаете, в чем причина отставания колхоза. Мы – не знаем. Может, вина в нас, в руководстве района? Скажите, если так. Кроме вас, нам этого никто не скажет.

Секретарь райкома умолк. Все молчали. Заворочался, заскрипел стулом Селим. Секретарь посмотрел на него. Старик, не привыкший сидеть на стуле, просто устраивался удобней, но увидев, что секретарь обернулся, и все смотрят на него, понял, что должен говорить.

– Есть ваша вина, – сказал он. – Есть.

– Да? Объясните, прошу вас! – секретарь райкома внимательно смотрел на дядю Селима, в глазах у него уже незаметна была усталость. – Прошу вас, – повторил секретарь райкома.

– Да что ж объяснять-то, сынок? Земля – она, конечно, терпеливая... Вот мы по семьдесят, восемьдесят лет живем и ничего – терпит нас. Ждет. Ждет, когда в нее ляжем.... – дядя Селим вскинул густые брови, теперь были хорошо видны черные, грустные глаза. – Бросаешь в землю зерно, нужно ждать, пока прорастет, пока всходы даст. А вы в этом году поставили человека, через год гоните... Он, может, только-только обвык, разбираться начал, а вы ему – до свидания!.. Поставили нового, а тот уж знает, что сроку ему год. Ну и начинает хватать, где может. А люди как? Увидел такое дело – все, каждый начинает к себе тянуть. Без всякого стеснения в карман к государству лезут... – Дядя Селим снова нахмурил брови, укрыв под ними глаза.. – А когда такое дело, попробуй заставить работать на совесть... – последние слова он произнес совсем тихо.

Снова наступила тишина. Секретарь райкома что-то писал в блокноте. Вскинув голову, старик уже дремал, закрыв глаза.

– Большое спасибо, – сказал секретарь райкома. – В правдивом слове обиды нет. – И он перевел взгляд на Иси.

Иси киши задумчиво погладил усы.

– Ну что ж... Во-первых, спасибо за уважение: позвали нас, совета просите, мнением интересуется... Насчет председателя дядя Селим верно сказал. Он одно только упустил – насчет честности. Если все по-честному, ад раем кажется. В войну как было? Пули свистели, смерть кругом, а вранья, обмана не было. С открытым сердцем жили. Поэтому и победили фашиста. Всю войну деревня без мужиков оставалась – дядя Ильяс до пяток инвалид, а пришли мы с войны, узнаем: за четыре года случая не было, чтобы своровали что... В голодные годы из соседних колхозов к нам за зерном шли. А теперь только бы и жить, а у нас на трудодни ни хлеба, ни денег... К соседям за зерном ездим. И воровство... Вроде с голоду воровать – еще так сяк... А теперь воровать? Воруют. Взятки берут... Почему? – Иси посмотрел на секретаря райкома.

– Вот я и пытаюсь понять, почему? Очень хочу понять это! Все мы дети одной советской семьи. Иной раз и в семье случается: взял, к примеру, мальчик деньги без спроса. Первым делом стариков на ноги! Не чтоб вора ловить, а чтоб подумать: с чего это ребенок на воровство пошел? Какая тому причина? – секретарь райкома обернулся к Ильясу киши. – Вот, дядя Ильяс, ты тут самый старший, самый достойный. Вся жизнь твоя – служение народу. Против гачагов сражался – знаем. Головой рисковал без счета – знаем... Жену твою гачаги убили, сына убили – знаем... Один у тебя сын остался, единственный, и тот от раны погиб... Вся жизнь твоя отдана народу, нашему советскому строю. И ты можешь спокойно смотреть, когда такое творится?!

Морщины на темном лице дрогнули. Ильяс киши смотрел секретарю райкома прямо в глаза.

Странный старик. В нем словно два человека. Лицо из камня высечено. Седые корни, орлиный нос, и вдруг эти голубые глаза... Непримириемость, стойкость, способность на самопожертвование и этот неожиданно мягкий, добрый и грустный взгляд!..

Ильяс киши не разобрал, приятны ли ему слова секретаря, или от них чувствуется лишь боль, как в растревоженной ране... Он только всем своим существом ощутил: «Коня!..» Вскочить бы сейчас в седло, поднять скакуна на дыбы!..

Дядя Селим открыл глаза. Перехватил взгляд Ильяса и вновь беспокойно заерзал на стуле, наполнив тишину его скрипом.

Секретарь райкома напряженно ждал. Он понимал, что если молчание продлится, Ильяс киши уйдет в себя – разговор прекратится. А снова донимать его вопросами было бы слишком.

– Это верно, дядя Ильяс, – мягко, вроде даже застенчиво заговорил прокурор. – Я вот чего не могу понять. Тут сейчас говорили, в войну в вашей деревне хлеб не переводился. У нас-то все больше травой живот набивали... А сейчас такое, вроде, время... Просто в голове не укладывается!.. Почему колхоз в отчаянном положении находится?! Хозяйство мощное, аксакалы мудрые, парни – кулаком гору прошибут, а дела все хуже и хуже!..

Дядя Ильяс опустил глаза. Подумал.

– Да время сейчас какое-то – не поймешь... – он говорил негромко, задумчиво, словно бы сам с собой. – Таких, как я, демагогами называют. Завидуешь, мол, нашему богатству... Вот и выходит: вниз плюнешь – на бороду угодишь, вверх плюнешь – на усы!.. Колхоз – дело трудное. Непросто в нем порядка достичь. Ошибок допускать нельзя. Допустило начальство ошибку – раз допустило, два, три – человек уже не работник в колхозе, на колхоз у него надежды нет, бросает все, в огород к себе бежит... А ошибок было допущено много. Ох, много!.. Вот люди и отучились работать. На легкий хлеб потянуло. Насадит для себя участок огурцов, помидоров – приусадебные участки мы после войны расширили, дороги: сегодня здесь – завтра в Москве... Свозил разок помидоры, положил в карман деньги – больше чем за трудодни за целый год! Потом-то он, конечно, идет и на колхозное поле – нельзя без этого, ему нужно на тот год, чтоб налог как на колхозника был. Только какая же это работа?.. Вот вы сказали, что колхоз из долгов не вылезает. Нищета, можно сказать... При таком положении с голоду бы помирать. А не помираем. Куда там!.. За последние два года сколько в деревне машин куплено?.. Пройди по улице – какие дома стоят?.. Тоже недавно поставлены. И не ворованное – нет. Если бы воровали, прокурор – вот он, рядом – давно бы раскопал. Ворованное – не ворованное, да честным не назовешь. Не крестьянские это заработки. Отвыкают люди от настоящего труда...

Сперва секретарь что-то записывал, потом перестал, только слушал. Не давала покоя мысль: «Где-то я видел его... Или портрет на выставке?..»

Скрипнул стул. Все обернулись. Глаза дяди Селима прикрыты были бровями. Казалось, он спит. Секретарь райкома снова взглянул на Ильяса. Тот молчал. Светлоголубые глаза его стали еще чище, еще прозрачнее. «Все, больше он говорить не станет», – подумал секретарь райкома и тихо, словно боясь разбудить спящего старика, спросил:

– А где он учился?

Он спросил очень тихо, но Селим киши снова закрипел стулом. Густые, широкие брови поднялись, приоткрылись глаза.

– Можно сказать, нигде, – он взглянул на Ильяса. – У нас тут курсы тогда открылись. «Шагаем!» – назывались. Вот и учились... Меня отец записал, да будет земля ему пухом. Силой учиться заставили: читать, писать...

***

Прошло совсем немного времени после того разговора, а Ильяс киши стал замечать: люди к нему переменились. Завидев издали, одни уходили, другие делали вид, что не замечают, третьи сквозь зубы цедили: «Здравствуйте...» Всегда было заведено, что при виде него любой водитель притормаживал – не дай Бог запылить Ильяса киши! – сейчас машины проносились мимо, обдавая его облаком пыли. «Жалко, время мое прошло, – сокрушался старик, – показал бы я вам, почем пуд лиха!.. А над старым волком и последний щенок смеется!.. Ладно, и это переживем!..»

Когда на свадьбу Шахина, можно сказать, никто не пришел, лишь несколько школьных товарищей, Ильяс киши встревожился не на шутку. Но вида не показал: «Пускай!.. Собака лает, а караван идет!..»

А тут еще появился новый председатель колхоза и сразу быка за рога: «Я из-за вас партбилет класть на стол не буду! В райкоме все известно: торговлей занимаетесь, а в колхозе работать некому! Перемерю участки: у кого больше нормы – отрежу!..»

Теперь с Ильясом киши просто-напросто не здоровались. А тем нескольким старикам, что еще продолжали его приветствовать, демонстративно не оказывали уважения. Ильяс киши заперся в четырех стенах, перестал выходить на люди. Вчера, провозжая внука, он впервые за много дней появился на деревенской улице.

Подумал было зайти к председателю, – пусть даст посильную работу. Но пораскинул умом и решил, что люди и этот его поступок истолкуют как-нибудь не так. Старик не винил председателя.

«Что ж... Он не врет. Райкому я это говорил, да еще при всем народе. Только ведь сказал-то я правду, а раз правду, стало быть, и жалеть не о чем».

Небольшие излишки были у каждого – после войны, чтобы подкормить изголодавшихся людей, приусадебные участки расширили. Но отрезать излишки – долгая история. Нужно приглашать комиссию из района, то да се, и Керим решил, что если он сам, своей властью отнимет кое у кого часть земли, люди увидят, что у нового председателя твердая рука, поймут, что имеют дело с настоящим хозяином. Вот только с кого начать? Мысленно перебрав все дворы, председатель остановился на Зейни. Пенсионерка, одинокая. Участок большой. Да и бабка вроде покладистая – шуметь не будет. А если и поднимет шум, нет у нее родных, чтобы на защиту встать.

***

Муж Зейни и ее единственный сын ушли в сорок первом – словно в воду канули. Ни письмеца, ни весточки никакой – ничего. Все военные годы Зейни проработала в колхозе, всегда шла на самую тяжелую работу. И никто никогда не видел, чтобы Зейни плакала. Сколько похоронок получено, сколько поминок справлено!.. Сидит всегда где-нибудь в уголке, прижав к губам согнутый палец. Сидит, думает...

Но когда война закончилась, и начали возвращаться фронтовики, Зейни уже не могла скрыть отчаяния. Часами сидела она возле какого-нибудь солдата и жадно слушала: вдруг скажет, – мол, видел твоих...

По пятницам она теперь с утра уходила на кладбище. Оправляла отцовскую могилу и плакала: «Ой, отец, приходят ведь, а наших нет как нет!..» Она говорила «наших» – назвать мужа по имени у могилы отца Зейни стелась.

Удивительная она была, эта тетушка Зейни. Ходила она всегда очень быстро, широко расставляя длинные ноги, размахивая руками. Идет, и вроде бы вся дорога занята – не разминуться. Ребятишкам казалось, что откуда ни погляди, Зейни всегда все видит, словно дерево среди пустыни. Только Зейни вышла со двора, уже на руках ребенок. У арыка схватит, несет матери: «Ты что ж это, сучья дочь, ребенка у арыка бросаешь – в арыке его нашла!?» Занозил мальчонка ногу – держись, мать, будет тебе на орехи. «Себе, небось, самые дорогие туфли ищешь, а ребенок босиком бегаёт!» И детишки души в ней не чаяли – увидит ее ребенок, сразу ручонки тянет. И Зейни обязательно подхватит малыша на руки.

Сидеть на руках у тети Зейни было высоко, как на дереве. На руках у Зейни ребятишки даже отцов своих не боялись, потому что знали: тете Зейни не страшен никто на свете. Но старой Зейни известен был страх, только детишки не понимали этого – страх одиночества. Потому и старалась не быть дома. Дома все напоминало о них...

Но все стареет. Воспоминания с годами тускнели, старились, как осенняя изгородь, как осыпавшийся ров...

Состарилась и Зейни. Согнулась ее спина, плечи вздернулись, голова осела. В последние годы тетю Зейни все реже видели на деревенских улицах.

***

Услышав тарахтенье моторов, Зейни вышла на эйван. Изгородь из колючек давно подгнила, осела, и с эйвана видна была улица. Напротив ее дома стояли бульдозер с работающим мотором и крытая брезентом легковая машина, на которой ездил председатель. Возле машины топтался незнакомый человек, плотный, небольшого росточка.

«Новое начальство!» – сразу догадалась Зейни.

Она сошла вниз.

– Вот, тетушка Зейни, новый председатель, Керим киши, – водитель Хашимоглу кивнул на толстяка.

Словно для того, чтобы казаться выше ростом, председатель поднялся на чуть заметную насыпь, тянувшуюся вдоль бывшего рва, и встал на ней, горделиво поглаживая усы.

– Здравствуй, сынок! – сказала тетя Зейни. – Чего ты это встал? В дом иди, чайку выпьешь...

Хашимоглу подскочил к бульдозеру, заглушил мотор. Стало тихо.

– Заходи, сынок! – повторила Зейни. – У меня чай есть, свежесваренный...

– Зейни-арвад! – строго сказал председатель. Старуха нахмурилась. В деревне ее так не называли: пожилые люди звали «сестрица Зейни», молодые же называли тетушкой. А тут без всякого уважения – «арвад». – Ты человек одинокий, – продолжал председатель, – зачем тебе такой участок? Мы отрежем лишнюю землю.

Хашимоглу, на корточках сидевший возле канавы, старательно ковырял палочкой землю. Всем своим видом он как бы хотел сказать: «Я тут ни при чем, тетя Зейни. Я человек подневольный».

Председатель умолк. Но тут же, словно испугавшись наступившей тишины, заговорил снова:

– Сама скажи: к чему тебе столько земли? Обрабатывать все равно некому.

– Знаешь, сынок... – старушка вздохнула. – Погоди малость. Жить-то мне всего ничего, а в могилу землю не возьмешь. Помру, можешь и дом порушить, и двор перепахать – воля твоя... – считая, видимо, что вопрос решен, Зейни хотела было идти в дом, но обернулась вдруг и глянула в лицо председателя. – А работники мои с войны не пришли. Было бы кому огород копать...

На председателя словно кипятком плеснуло.

– Ну что с вами делать, честное слово?! Ну, не были мы на фронте! Не были!.. Родиться опоздали!.. Четверть века прошло, а они все войну эту в глаза тебе тычат!..

Бабушка Зейни, не отрываясь, смотрела на коротенького человека. Но сейчас в ее взгляде была уже не грусть, не обида. Гнев горел в ее глазах.

– Ты войны не касайся! Слышишь – не тронь войну!.. Там сына моего могила! Мужа могила! Не смей их языком своим поганить!

Председатель побраговел.

– Чего расселся?! – вдруг заорал он, подсакивая к Хашимоглу. – Садись за руль, и чтобы через пять минут никакого рва не было.

Хашимоглу стал нерешительно приподниматься...

На крик выходили соседи. Несколько ребятишек сунулись было в ворота, да остановились, боясь подойти ближе. Во дворе у Ильяса киши тоже услышали крик. Шелале – сестренке Гюльзар – так хотелось побежать посмотреть, в чем дело, но она лишь нетерпеливо поглядывала то на дедушку, то в ту сторону, откуда доносились крики.

– Сравняй!.. Попробуй!.. – слышался хриплый крик бабушки Зейни. – Как теленка прирежу, прямо тут, посреди двора!..

Ильяс киши покачал головой и пошел к воротам Зейни. Потом, видно, передумав, переступил через изгородь и остановился за спиной председателя.

Тот сразу почувствовал – что-то произошло. Мгновенно успокоившись, бабка отбросила в сторону косарь, которым размахивала, и зашагала к дому.

Керим недоуменно посмотрел на Хашимоглу. Хашимоглу кивком указал ему назад. Керим оглянулся и совсем рядом увидел дядю Ильяса. Старик показался председателю огромным – вдвое больше Хашимоглу. На него он, вроде, и не смотрел...

Председатель хотел крикнуть, чтобы мотор был немедленно включен, но слова почему-то застряли в горле. Не глядя на старика, он поспешно направился к машине.

Дядя Ильяс воткнул в землю лопату, присел на изгородь... Наступила тишина. Даже шум отъехавшей машины, казалось, не нарушил ее.

Дядя Ильяс молчал, уставившись в землю. Возле самой его ступни зеленел свежий побег – старик невольно подвинул ногу. Огляделся – откуда он, вроде, и дерева поблизости нет...

«Что за земля у нас?.. Что ни брось в нее, все растет, все всходит...»

Тетя Зейни думала, по обыкновению прижав к губам согнутый палец. Хорошо, что пришел Ильяс. Все он понимает, все умеет. Если бы он тогда ушел вместе с её мужем и сыном, может, и помог бы им, научил бы, не дал бы согнуть...

Немой Мустафа был мужем самой болтливой женщины в деревне. Лале никогда не закрывала рта. Если рядом не оказывалось собеседника, она все равно находила, с кем поболтать... Говорила с курами, с теленком, с коровой, когда ее доила...

Мустафа и Лале были на редкость любящими супругами, – другой такой пары не то что в деревне, по всему свету не найдешь. Стоило Мустафе два раза кашлянуть, Лале уже не могла заснуть. Вставала среди ночи, нагревала кирпич, заворачивала его в кофту, клала мужу под ноги, потом садилась рядом с ним на постель. «Сколько раз говорила тебе – хоть немного о себе думай!.. Доконаешь себя этой работой!.. Заставишь меня слезы лить!..» Она причитала и плакала над мужем до тех пор, пока тот не начинал огрызаться. Если же Лале ложилась в постель и с головой укрывалась одеялом, Мустафа ни на шаг не отходил от нее, сидел, молча гладил седые волосы, и та постанывала, перемежая стоны с причитаниями: «Господи милосердный, жалься!.. Не за себя прошу, ей-богу, не за себя – его, сироту, на кого оставляю!.. Что с ним будет, если помру?!» – она начинала громко рыдать, и Мустафа, расстроенный вконец, тоже не мог сдержать слез.

Они поженились двадцать лет назад, детей у них не было, и всю любовь, отпущенную человеку на детей, расходовали друг на друга.

Брат Мустафы, Тоший Гасан, жил по соседству, через забор. У Гасана было девять сыновей и три дочки, но ни один из двенадцати детей не смел близко подходить к калитке, ведущей в дядин двор.

Раньше они хоть иногда наведывались, но стоило ребятишкам появиться, Лале начинала ворчать: «Опять забор поломали... На алыче ветку сломали... В теленка камнем бросили.. Весь двор замусорили, паршивцы, – с метелкой не расстаеть!..»

В конце концов Мустафа не выдержал, прогнал племянников: «Нет у нас сил возиться с вами!..» И во дворе стало тихо – никто больше к ним не приходил..

Мустафа работал в колхозе с детских лет. В войну он был подростком. Весной, во время пахоты, с хворостинкой в руке сидел на ярме у быков, летом пересаживался на молотильную доску. Повзрослев, Мустафа взял в руки заступ и стал распределять воду.

Мустафа никого не любил, но уважал хороших работников. Иси киши, например, был ему приятен, потому что тоже был джуваром¹, и хорошим джуваром. Из молодых Мустафе был по душе тракторист Шеми, племянник Иси – пашет, злодей, словно узоры рисует...

Зато тех, кто, гонясь за длинным рублем, возил в Россию огурцы и помидоры, Мустафа на дух не переносил, ненавидел.

В деревне Мустафу не любили, однако отдавали ему должное. Везде, где собирался народ, он всегда оказывался рядом с самыми уважаемыми людьми.

За немногословие Мустафу прозвали «немым», но немым Мустафа не был, просто знал цену словам. «Слово – что пуля: стреляй, когда самый момент! Чтоб мимо уха не проскочило!»

У Мустафы было примечательное качество – он дружил со всеми председателями, причем о дружбе этой мало кто знал – Мустафа умел держать язык за зубами.

Председатель получал от Мустафы самые разнообразные сведения, а люди только поражались, как это начальство умудряется все знать, все видеть.

¹ Джувар – человек, занимающийся распределением и подачей воды на поля.

Было уже заведено, что старый председатель, сдавая дела, как бы передавал своему преемнику и Мустафу. Заступив на должность, новый председатель сразу же находил повод позвать его к себе. Так было всегда, но Керим председательствовал уже два месяца, а Мустафе все никак не удавалось улучшить момент и побеседовать с ним: «Запутают!.. С толку собьют!..» И впрямь могло случиться, что кто-то другой приобретает влияние на новое начальство.

Беседуя с новым председателем перед тем, как направить его в Сарыгаялар, секретарь райкома много говорил об Ильясе киши. Сказал, что это удивительный человек, что он пользуется в деревне огромным авторитетом, и предложил во всех трудных случаях советоваться с мудрым стариком.

Керим вроде бы согласился, однако был твердо уверен в том, что именно из-за этого мудрого праведника и не смог удержаться в колхозе ни один председатель, а потому, заняв председательское место, сразу же разработал план действий против Ильяса киши. План состоял из трех мероприятий. Прежде всего, надо подорвать его авторитет. Ну, это проще всего – старик сам подготовил себе почву. Второе – надо найти предлог и всенародно устроить деду хорошую выволочку, чтобы тому пришлось просить пощады. И третье – простить Ильяса киши. Простить и даже выступить в его защиту.

Предшественник Керима по установившейся уже традиции поведал ему о Мустафе, но Керим не спешил вызывать его, считая полезным помедлить. Встречаясь с Мустафой взглядом, Керим всякий раз видел напряженно вытянутую шею, мучительное ожидание в глазах, и зрелище это доставляло ему удовольствие.

Каждый вечер Мустафа упорно являлся в правление. Он понимал, что необходимо председателю – тот работает уже два месяца, и ему обязательно надо знать, как принимают его люди, что говорят о нем, как оценивают его действия.

И вот, наконец, свершилось. Однажды вечером, поздоровавшись со всеми у входа в правление, председатель задержал взгляд на Мустафе. Прошел по коридору и, уже входя в кабинет, обернулся.

– Мустафа киши, заходи потом.

В тот вечер Мустафа вернулся домой поздно. Глаза у него сияли, лицо было просветленное, ясное. Сразу повеселев, Лале быстренько подала мужу чай.

– Значит, потолковали?..

– Ага!..

– Сообразил, дурень, что без твоего совета шагу ступить не сможет!..

– Нет, жена, он не дурень. Мужик головастый.

И Мустафа замолчал, заново пережевывая разговор с председателем.

Конечно, тот первым делом спросил, что говорят о нем в деревне. Ответ Мустафы был заготовлен давно. «Ничего, довольные, линия у вас правильная. Заставить бы еще на работу ходить тех, кто по домам отсиживается... Совести-то у людей нету. Взять хотя бы Ильяса киши. Вроде, самый, что ни на есть, законник, а невестку – он внука недавно женил, в армию проводили – на работу не пускает. А ихняя Гюльзар по сто килограммов в день хлопка собирала... Может, он в чем-то и прав, может, я чего-то не понимаю, но только, сдается мне, не пойдет так... Не пойдет у нас дело, если все жен да невесток будут по домам держать...»

В этом месте в глазах председателя что-то вспыхнуло, красное лицо, еще больше побраговевав, стало темным. Глаза светились на нем, как две дырочки в стене, обращенные на солнечную сторону. Мустафа понял, что попал в точку.

– Так больше не будет, – сказал председатель. – Работать в колхозе должны все! – и стукнул по столу.

... Голос жены оторвал Мустафу от приятных воспоминаний:

– Ты что, заснул, что ли?!

Мустафа обернулся, жена стояла, уперев руки в бока, и недовольно смотрела на него.

– Чего ты?

– Поглядите на него!.. Толкую, толкую, а он: «Чего ты?..»

– Устал я...

– Еще бы не устать!.. Сколько раз тебе говорено: до каких пор будешь с водой маяться?! Сведет она тебя в могилу, эта вода!.. Чуть небо затянуло, спину разогнуть не можешь!.. Менять надо работу!

– Поздно мне ее менять, – Мустафа вздохнул. – Двадцать пять лет при воде... К другому делу не приноровичься. Да и дело никто не знает, как я. Получаю неплохо... Если б колхоз малость ожил, столбы на эйване из золота ставить было бы можно!..

– Ты мне дороже всякого золота! Чахнешь на глазах, – каково мне такое видеть?! Бросай воду! Пускай другого джуваром назначат!

– Да если я это дело брошу, и джувар нужен не будет! Поставят мальчика сопливого, за год поля засолит! А мне такое видеть – помереть легче!

... Скоро месяц, как ушел Шахин. Гюльзар получила от него три письма. Получив первое, она сначала прочла письмо залпом. В нем было полно восклицательных знаков – не только после каждой фразы, но и после отдельных слов. Она еще раз прочла письмо уже медленней и стала считать восклицательные знаки. Пересчитав, порозовела и прошептала чуть слышно: «И я тебя...»

Ильяс киши терпеливо ждал, когда невестка положит, наконец, письмо.

– Чего он там пишет-то?

– Пишет, что здоров. Про тебя спрашивает, не болеешь ли... Возьми, прочитай!

– Ты ж прочла...

– А что такого – прочти!

Видно было, что невестка не из вежливости, а от чистого сердца предлагает ему прочесть письмо. Выходит, нет там ничего такого, можно взять...

– А чего это он столько палочек наставил? – поинтересовался старик, возвращая Гюльзар письмо.

– Это не палочки, дедушка, восклицательные знаки.

– А... Знаю, мы проходили... Еще один есть, на серп похож – это когда спрашивают... Точка еще... А это зачем – я чего-то запомнил?..

– Этот? Этот знак ставится, когда нужно выразить гнев или радость. Или приказ...

– Что это он нам больно много приказов дает? – старик хитро прищурился. – Ребятишки мы – приказы его выполнять?

– Да он не приказывает! Просто радость выражает. Легко у него на душе. Вот он...

– Ну, это другое дело...

Прочитав письмо, Гюльзар носила его на груди, пока не получила следующее. Она тосковала по мужу. Так тосковала!.. Но не хотела, чтобы родители знали – они

ведь предупреждали ее. Ничего не рассказывала она и сестренке. Первое время Шелале наведовалась к ней лишь изредка – побаивалась дяди Ильяс, а потом так приязалась к старику, что прибегала чуть ли не каждый день.

Шелале читала все письма Шахина, и от письма к письму глазенки у нее становились все грустнее. Девочка негодовала – как он может?! Не написать жене ни единого ласкового слова!.. Полтора месяца прожили, Гюльзар его письма под подушкой держит, а ему трудно два словечка написать!.. Рука отвалится?!

Позже и дядя Ильяс стал проявлять беспокойство. «Как же так получается?.. Молодая ведь, ей ласка нужна... Дедушка дедушкой, жена женой... В одном не получается, два письма напиши: мне – свое, ей – свое...»

Шелале стала перехватывать адресованные сестре письма. Схватит письмо и бежит домой – показать матери.

Прочитав последнее письмо, мать вздохнула, еще раз перечитала...

– Нет, – сказала она, – наверняка ей отдельные письма пишет.

Девочка нахмурилась.

– А если не пишет!.. «Командир у нас хороший. Я дружу с одним русским парнем, его зовут Петя... Природа здесь красивая. Погода хорошая...» Да если бы он мне так писал, я бы даже отвечать не стала!

В каждом письме Шахина непременно были и приветы – и Иси киши, и тете Нисе, и ей, Шелале, но девочка негодовала все больше. А у сестры, когда она читала письма Шахина, лицо было счастливое. Шелале ничего не могла понять.

– Гюля, – не выдержала она наконец. – Дай хоть одно письмо почитать, которые он тебе пишет! Тебе одной! Я никому не скажу!..

– Какое еще письмо? Ты что?

– Я знаю, он тебе пишет отдельно! Лично. Почтальон мне их не дает.

Гюльзар расхохоталась.

– Дурочка!.. – она обхватила сестренку за плечи и начала целовать. – Мои письма тут, внутри этих. У нас с ним условлено... Никому не расскажешь?

– Клянусь мамой!

– Ну, смотри! – Гюльзар достала из-за пазухи письмо, оглянулась по сторонам, достала листок из конверта. – Видишь? Ну, если кто узнает!..

– Я ж мамой поклялась!..

– Мы договорились с Шахином, что восклицательный знак значит: «Целую тебя!» Видишь, сколько их тут?!

– Ой!.. – Девочка прыснула. – Надо же!.. А я думала, чего это он, совсем пунктуации не знает?!.. – и Шелале принялась считать восклицательные знаки: – Раз, два, три, четыре...

Трава стояла чуть не до колен – раздолье! Но гнедого почему-то тянуло к молоденькой иве – ствол у нее был такой тонкий, кора зеленая-презеленая, – поглотить бы!.. Даже слюна бежала.

Конь обернулся, взглянул на хозяина. Тот лежал на спине, в тени карагача, подложив под голову папаху. Гнедой снова поглядел на хозяина и не решался подойти к деревцу. А Ильяс киши не заметил бы, он и думать не думал про коня, далеко были его мысли...

Опять сегодня видел во сне Сарытеля. Из правой руки хлещет кровь, левую прижал к груди, шепчет: «Прощаю тебе свою кровь... Прощаю...»

Тридцать восемь лет прошло, а Сарытель все снится ему. Часто снится...

... И мать, и отца Ильяса убили сородичи Сарытеля, когда сам Ильяс был еще в пеленках. Соседка Сервиназ нашла его утром между двумя мертвыми телами. У нее тогда была дочка, тоже грудная, женщина стала кормить обоих. Вскоре девочка умерла, и Сервиназ еще больше привязалась к приемному сыну.

Когда Ильясу было четыре года, Сервиназ родила сына. Мальчика назвали Аяз – и к погоде подходило: в самую стужу родился мальчик. Да и имена их звучали согласно: Ильяс, Аяз...

Кровные враги Ильяса были с верхнего конца деревни. Там жил и Сарытель – первый его приятель. Мальчики не ведали о том, что они враги, и в неведении было их счастье. Самые рослые, самые смелые, самые приметные среди сверстников, Ильяс и Сарытель были неразлучны. Кто прыгал в воду с самой высокой скалы? Ильяс и Сарытель. Кто влезал на столетний орех? Ильяс и Сарытель. Ильяс и Сарытель – их имена всегда упоминались вместе.

Приемный отец Ильяса заболел, три месяца не вставал с постели. Похоже было, что ему уже не подняться.

– Не нравится мне, что Ильяс все время с Сарытелем, – сказал он как-то Сервиназ, – из волчонка только волк вырастает... А Ильяс на том свете перед отцом и матерью ответ держать за эту дружбу. Расскажи ему, пускай знает. Только чтоб ничего не затевал. Он хоть и горяч, но любит тебя – послушается...

Вечером в тот же день отец велел позвать к себе Ильяса.

– Сынок, сынок... Я слышал, что ты стрелять научился?

– Да! Мы с Сарытелем груши сбивали. И все три сбили, но он в одну чуть промазал – только задел!

– Молодец! Выходит, ты у нас стрелок? Ружье нужно. Нужно тебе ружье?

Ильяс смущенно улыбнулся.

– Ничего, сынок. Есть у тебя ружье!

– У меня?! Ружье?! – Ильяс изумленно вытаращился на отца.

– Ой! – притаившийся в уголке Аяз подскочил к отцу. – Ружье! У брата ружье!..

– Ну, ну... – отец строго взглянул на младшего. Хотел что-то сказать, да закашлялся. Показал, чтобы открыли дверь. Ильяс метнулся к двери, распахнул ее и сел у притолоки, не отрывая глаз от больного. Когда кашель немного отпустил, отец показал Ильясу на висевший на стене коврик. – Там висит. Над очагом, под ковриком. Возьмешь ружье, но смотри: бахвалиться станешь, в невинного человека целиться, не будет тебе от меня прощения ни на том, ни на этом свете! Я тебе почему ружье даю? Сегодня я есть, завтра меня нет, ты в доме мужчина! Зверь или, может, собака бешеная – вот для чего тебе ружье! Мать тебе кое-что расскажет, но ты не вздумай... Мать! Расскажи ему... Только постреленка этого прогони, – он ткнул пальцем в сторону Аяза, и снова его начал душить кашель...

И в доме Сарытеля давно уже было беспокойно. Парни росли, мужали. Неумолимо приближалось время, когда они станут врагами.

Стоило матери Сарытеля услышать голос Ильяса, вызывающего приятеля на улицу, она начинала ворчать.

– И чего повадился, змееныш! И наш хорош!.. Парней ему мало на своем конце!.. Через всю деревню топать готов, лишь бы со своим Ильясом свидеться!..

В тот день, когда Сарытель радостно сообщил матери, что у Ильяса теперь тоже есть ружье, мать молча схватила его за ухо и потащила в дом.

– Слушай, что говорить буду! У тебя только Ильяс на уме, а знаешь, кто он,

твой Ильяс? Думаешь, его Сервиназ родила? Как бы не так! У него, знаешь, родня была – от гордости в деревню не вмещались! Потом – ничего, все в земле уместились – каждому по два аршина!..

Она рассказала сыну все.

Сарытель весь день пролежал, отвернувшись к стене. Вечером мать увидела: красный весь, глаза блестят – смотрят куда-то сквозь нее...

Мать говорила осторожно, выбирая слова, но все равно – Сарытель понял: виноваты были его родные.

В бреду ему представлялась картина последнего набега...

Вот ударили кинжалом мать Ильяса, та закричала, собака срывается с цепи, влетает в дом.... Огромный пес хватает чужих, клоками вырывает мясо... Вот почему дядя Таптыг хромает. Вот почему остался в живых Ильяс...

Ильяс и Сарытель встретились у реки. Уже пригнали скотину, вдалеке, на самом краю неба, все больше и больше бледнея, еще светилась красноватая полоса.

Сидели рядом на краю скалы и молчали. Смотрели на воду. Вода журчала весело и спокойно.

Они вдруг стали взрослыми. Не хотелось уже болтать о пустяках, но сразу, как взрослые, начать деловой серьезный разговор они еще не умели.

Первым заговорил Сарытель.

– Какой ты худой стал... – сказал и умолк. Говорить было трудно. Повернуться, взглянуть другу в глаза – еще труднее...

– Болел, – сказал Ильяс, – простыл где-то...

– Ну?! Я тоже неделю пролежал. Без памяти был..

– Правда? А я и не знал!..

Слова эти вырвались у Ильяса. Он хотел сказать, что пришел бы, если б знал, но тут же сообразил, что если бы даже и знал, не пришел бы. От этой мысли запылали щеки. Хорошо, что уже темнело.

А Сарытель, обрадованный порывом друга, обернулся, взглянул на него, увидел низко склоненную голову и, опустив глаза, снова уставился на воду. Вода мерцала, словно покрыта была затканной серебром тканью... Низко, на высоте столетнего карагача, висела над деревней темнота. Черными силуэтами высились вдалеке надгробные камни кладбища – оба почему-то посмотрели туда... Сарытель поднялся первым.

– Пойду, дома беспокоятся.

Ильяс молча кивнул ему, улыбнулся. Подобие улыбки мелькнула и на губах Сарытеля.

– Спокойной ночи, – сказал он.

Они медленно разошлись по домам.

***

Время шло и делало свое дело.

Сарытель и Ильяс росли, мужали. И чем взрослее они становились, тем все больше увеличивалось расстояние между верхним и нижним концом деревни. В последний год оно стало таким длинным, что Сарытель и Ильяс встретились лишь несколько раз.

Сарытеля все чаще теперь видели посреди деревни, там, где высился дом Джаваншир-бека.

Раздружившись с Ильясом, Сарытель стал неразлучен с бекским сыном. Бек был доволен: его Аслану нужен был в друзья именно такой парень.

Бек подарил Сарытелю скакуна. Самые ловкие, самые отчаянные парни льнули к нему, ловили его взгляд. Чего только не вытворял Сарытель с друзьями, любое озорство сходило им с рук – сын бека был надежной опорой.

Только Ильяс, его дом, дома его соседей и родичей оставались неприкосновенными – сам Аслан-бек остерегался связываться с Ильясом.

... Однажды утром по деревне распространилась новость: Джаваншир-бек исчез, скрываясь в горах. С Джаванширом ушли и несколько человек, в том числе Сарытель и Селим.

Ильяс не понимал, чего это они? Советская власть за бедняков, зачем бежать от нее? Что им делать в горах с этим Джаванширом?..

Ну, пускай Сарытель – с бекским сыном дружил, пускай Гамид, сын Таптыга, этот боится мести, думает, Ильяс щадил его только ради друга, но Селим?.. Добрый, мягкий – муху не обидит, он-то зачем ушел в горы?..

Позже стало известно, что Джаваншир-бек с домочадцами и со всем скарбом перебрался в Иран, и что гачагов возглавляет Сарытель.

А вскоре из района прибыл отряд по истреблению гачагов. Командир отряда Гара Мамиш был родом из их деревни, он знал о дружбе Ильяса и Сарытеля, а потому сразу же вызвал к себе Ильяса. «Нам известно, что Сарытель со своими парнями скрывается в лесах Пирвере. Нужно пойти и растолковать ребятам, что советская власть не считает их врагами. Какие они враги – простые деревенские парни... Пусть возвращаются. Но если они не выйдут, не сложат оружие, будет поздно. Трудно им будет получить прощение советской власти. Сарытель послушает тебя – вы друзья. Иди, Ильяс! Нужно помочь этим глупцам. А в случае чего, мы рядом...»

... Когда Ильяс ушел, Гара Мамиш собрал парней. «Кто хочет вступить в отряд, пусть приносят винтовки». Услышав слово «винтовки», Аяз так и подскочил – брат строго-настрого запретил ему прикасаться к винтовке. А он больше всего на свете хотел бы иметь собственную винтовку.

– А если у кого нет?! – Аяз подскочил к Гара Мамишу. – Дадите?!

Все рассмеялись. Командир отряда, рябой, с пышными усами и добрым широким лицом, внимательно посмотрел на подростка. У парня только-только пробились усики, придавая особую прелесть тонкому, по-девичьи нежному лицу.

– А почему ты спрашиваешь? – Гара Мамиш заглянул в сияющие мальчишечьи глаза.

– Ружье хочу! – выпалил Аяз и тут же смутился. Опустив глаза, он уставился на носки чарыков.

– Ружье хочешь? Хм... А ты чей-то будешь?

Аяз промолчал.

– Это брат Ильяса, – сказал один из парней.

– Брат Ильяса? – начальник отряда улыбнулся. – Ну, это меняет дело. – Он пошел к парнишке, хлопнул рукой по плечу. – Вот что, мое ружье ни у кого в руках не бывало, а тебе я отдам, уж больно ты мне понравился! – он снял с плеча пятазарядку и протянул ее обалдевшему от счастья Аязу. Затем расстегнул патронташ и сам перепоясал им нового члена отряда.

***

Ильяс вернулся назавтра к полудню. Он узнал, что гачаги ушли вглубь гор и хотел предупредить Гара Мамиша, что задержится, чтобы тот ничего пока не предпринимал.

У речки сидел Иси, рядом паслись ягнята. Ильяс подъехал к нему – он здоровался со всеми, даже с детьми. Мальчик вскочил и, мгновенно побледнев, испуганно отпрянул от него.

– Ты чего это? – нахмурился Ильяс. – Или что случилось...

– Нет, ей-богу, нет... – мальчик испуганно попятился назад. – Ничего... – но тут губы у него задержались и он заплакал, закрыв лицо руками.

Ильяс соскочил с коня.

– Ты что? Кто тебя обидел?.. Ну, говори! Да хватит тебе, ведь уже мужчина! Что случилось?

– Убили!..

– Кого?!

– Аяза!.. Ночью... Прямо у нее на глазах... Тетя Сервиназ все ходит... Тебя зовет. Никого к нему не подпускает...

В голове у Ильяса что-то звякнуло, будто разбилось стекло. Ноги его не держали – он сел. Мальчик что-то еще говорил, говорил, но Ильяс его не слышал. «Спокойно, – мысленно повторял он, – спокойно! Держи себя в руках. И вставай, нечего сидеть! – Ильяс вскочил. – Теперь иди! – Он сделал несколько шагов. – Куда ты?! А конь? Садись в седло, езжай, как положено!»

Ильяс мчался по деревне. Люди шарахались от его жеребца, косились испуганно – никто не посмел взглянуть Ильясу в лицо.

Сервиназ находилась на эйване одна. Она сидела в дверях, вытянув ноги и положив руки на колени. Ильяс подошел. Сервиназ подняла на него красные опухшие глаза и долго вглядывалась, словно не узнавала. Потом вдруг вскинула руки, потянулась к нему, но руки ее бессильно упали на колени. Она кивком показала ему на комнату и прикусила губу. По подбородку поползла тонкая струйка крови...

– Не плачь, мама... Не надо...

– Не плакать?! – прохрипела мать. – Это львицы не плачут, а я женщина... Я родила ребенка... Убили!.. Мальчика моего убили!.. Где ты был?! – вдруг закричала она. – Зачем ушел?! Убей и меня! Убей! Молоком своим заклинаю, убей!..

Ильяс поднял мать, и они вместе вошли в комнату. Сервиназ опустилась на колени, подползла к телу, упала на него и запричитала.

Ильяс приподнял голову Аязу. Все лицо его было исполосовано кинжалом. Сервиназ вдруг повернулась и с проворством ребенка-ползунка на четвереньках добралась до двери. Затворила ее и снова вернулась к Ильясу.

– Пусть молоко мое кровью вытечет у тебя из глаз, если не отомстишь за мальчика! Привези мне убийцу. Привези мертвым! Слышишь?! Иначе нет мне покоя ни на этом, ни на том свете! Гамид, сын Таптыга, убил моего мальчика!

Ильяс вскочил.

Во дворе послышался конский топот. Ильяс схватил ружье. Скрипнули ступеньки, кто-то поднялся на эйван.

Дверь распахнулась, и на пороге показался Гара Мамиш. Ни на кого ни глядя, он подошел к телу, поклонился, погладил шелковистые кудри...

– Эх, сынок... Как же ты так, сынок?.. – и он вдруг зарыдал как ребенок.

Ильяс вывел Сервиназ с эйвана. У соседнего дома толпились мужчины, он сделал им знак войти. Несколько человек, не глядя друг на друга, поднялись на эйван и прошли в комнату.

Во дворе началось оплакивание покойного.

Ильяс исчез сразу же после похорон.

Его не было два дня. На третий день, на рассвете, Сервиназ услышала его голос:

– Мама!

Голос слышался снаружи, с улицы. Сервиназ знала, почему исчез Ильяс, и все эти ночи не сомкнула глаз. Она еле добралась до ворот. На дороге лежал человек с веревкой на шее, конец ее был в руках у Ильяса. К седлу приторочены были три винтовки. Поодаль, прикрыв яшмаками лица, толпились соседки. Несколько мужчин стояли возле тела. Увидев Сервиназ, они отступили, давая ей дорогу.

Она не сразу узнала мертвого, лицо его было все в грязи. Потом взгляделась, узнала. Все ждали, что сейчас она закричит, зарыдает... Сервиназ подошла к Ильясу, взяла его за руку, хотела поцеловать.

– Что ты делаешь?.. – Ильяс отдернул руку.

– Так надо! – она снова взяла сына за руку. – Этой рукой ты убил его? – она поцеловала Ильясу руку, пристально посмотрела на него. – А теперь вымой руку, сынок, это поганая кровь... И поешь, ведь с голоду умираешь. – Она обернулась к собравшимся и сказала негромко: – Люди, мой сын отомщен. Не надо больше жалеть меня...

Ильяс спешил, шлепнул коня по крупу, чтобы пошел в стойло.

– Оттащите его подальше, – сказал Ильяс мужчинам. – И передайте, пусть заберут тело. Но так, чтобы я их не видел!..

***

Ильяс осторожно пробирался вдоль подножия скалы, прислушиваясь к каждому шороху...

Вот впереди дрогнула ветка, и острый взгляд Ильяса уловил отблеск оружейного ствола. Бесшумно метнувшись в сторону, Ильяс встал за дерево, осмотрелся...

За кустами кто-то был. «Запросто пристрелят! – мелькнуло в голове у Ильяса. – Не до благородства, когда по кустам прячутся, как зайцы!..»

– Эй, – вдруг услышал Ильяс. – Чего ты тут рыскаешь? Чего надо, а?

– Мне нужен Сарытель. Скажите ему, Ильяс спрашивает.

– Какой еще Ильяс?! Не знаю я никакого Ильяса!

– Ильяса не знаешь? Щенок! Обкорнаю уши, будешь знать!..

Пригнувшись, Ильяс осторожно перебрался в кусты. «Выйдет, куда денется!.. Обязательно выйдет! Тут я ему сразу – тавро на ухо!»

– Чего спрятался? – не умолкал парень, сидевший в засаде. – Иди сюда! Не жди, чтобы я сам к тебе пришел – хуже будет!

Ильяс не отзывался.

Не слыша ответа, парень стал проявлять беспокойство: он кричал, угрожал, но голос у него все еще срывался. Наконец из-за куста высунулась голова в огромной папаче – парень пытался разглядеть, есть ли тут кто. Ильяс внимательно следил за головой, где у этого дурня ухо. Голова чуть подалась вверх, двинулась в сторону...

Ильяс выстрелил. Голова исчезла в кустах.

И тут Ильяс увидел Сарытеля и Селима. Они шли по тропе прямо на него. Услышав выстрел, остановились.

– Кто стреляет? – обеспокоенно спросил Сарытель.

– Да этот дурень из Гарабаглы! – Селим засмеялся. – То и дело палит со страху!..

Ильяс прижался спиной к стволу тополя – спина защищена. Если что, он в два прыжка будет в ущелье, а там с трех сторон скалы, а с четвертой – Кура. Близо к нему не подойдут

– Сарытель, – послышалось из-за кустов. – Тут кто-то есть. Меня чуть не убили!..

Парни огляделись. Селим наклонился, отвел в сторону куст ежевики. Чуть выше, шагах в десяти от них, спиной к тополю стоял человек. Стоял и улыбался. Селим отпрянул, но тут же узнал Ильяса, и лицо его осветилось улыбкой.

– Здравствуйте! – сказал Ильяс.

Сарытель резко обернулся. Увидев Ильяса, он побледнел. Молча кивнул ему, не в силах произнести ни слова.

Селим крепко обнял Ильяса.

– Как там наши? – он виновато посмотрел на Ильяса. – Ничего, а?

– Все в порядке.

– Парня ты пугнул? – спросил Сарытель, голос у него сорвался.

– Я не просто пугнул, ухо укоротил щенку... Чтобы не грубил в другой раз!

Селим засмеялся.

– Ты что, ранен? – спросил он.

– Да нет ... – послышалось из-за кустов. – Ухо задето малость...

– Ладно! – сказал Сарытель, нахмурившись. – Посмеялись и хватит. Зачем ты пришел, Ильяс?

– Тебя ищу.

– Чего это я тебе понадобился?

Ильяс заметил, что Сарытель держит наготове наган. Селим перехватил его взгляд, обернулся и, сам того не заметив, направил на Сарытеля винтовку.

– Пришел спросить, долго ли будете по лесам бродить? Уже на людей не похожи. Ждете, когда отряд лес прочешет? Поздно будет. А прятаться вам от советской власти незачем – не беки и не ханы.

– Мягко стелешь, да жестко спать! – глаза у Сарытеля стали злыми. – Чужими руками расправиться хочешь? За брата?

Ильяс чувствовал, что Сарытель вот-вот выстрелит. «Чего медлишь – совестно в лицо?.. Ждешь, когда спиной повернусь? Что ж, сейчас повернусь...»

– Давно ты так за голову свою боишься? – Ильяс не спускал глаз с лица Сарытеля.

– Голова что – лицо боюсь потерять! – Сарытель не глядел на Ильяса. – Честь!

– А не думаешь, что уже потерял лицо под этой бородищей?

Ильяс на миг повернулся спиной к Сарытелю и, метнувшись в сторону, вскинул винтовку. Три выстрела слились в одном звуке. Сарытель промахнулся – пуля Ильяса пробила ему запястье. Не заметив, что Селим тоже выстрелил, Ильяс удивленно смотрел, как, прижав руку к груди, Сарытель медленно оседает на землю...

– Ильяс, мы в расчете, не тронь моих стариков.

– Да я... – Ильяс бросился к Сарытелю. – При чем тут они?.. Я в тебя не хотел... Ты сам...

– Да, сам... Я прощаю тебе свою кровь...

Сарытель умолк. В стеклянных глазах трепетали, отражаясь, крошечные зеленые листочки...

Послышались выстрелы... Один, другой, третий... Потом хриплый крик.

– Ильяс!.. Где ты, Ильяс?.. Не троньте его, сучьи дети!.. Вы окружены!.. Если хоть волос с его головы!.. Всех вас!.. Ильяс!.. Ильяс, отзовись!..

Ильяс обернулся, взглянул на Селима. Тот стоял, высоко вскинув голову. Казалось, он не слышит ни выстрелов, ни хриплого крика Гара Мамиша...

– Все... – сказал Ильяс. – Скончался... – и вдруг закричал: – Сарытель!.. Сарытель!..

– Это не Сарытель, – тихо сказал Селим, – наш Сарытель там остался, в деревне...

По черной кудрявой бороде его текли крупные слезы. Казалось, его глаза полны влаги, и он держит так высоко голову, чтобы не пролить ее...

Крики все приближались.

– Ильяс, – кричал Гара Мамиш, – Ильяс! Отдайте Ильяса, и я сохраню вам жизнь!.. Ильяс!.. – гремело в лесу. – Ильяс!.. Мы здесь!.. Мы с тобой!.. Ильяс!.. Ильяс!.. Ильяс!..

... Звонкий детский голос заглушил звуки выстрелов.

Ильяс киши открыл глаза, увидел девочку.

– Чего тебе, постреленок?

– Еда стынет, дедушка! А ты все спишь!..

– Еда?.. Скажи, приду сейчас...

– Нет, со мной пойдем! Вставай!

Ильяс киши усмехнулся, покрутив головой.

– Ах ты, коза-егоза!.. Ладно... Иду, иду...

***

Вечером новый председатель вызвал Ильяса киши в правление, заранее позаботившись о том, чтобы народу собралось побольше.

Председатель Керим отличался предусмотрительностью, а потому долго обдумывал, как будет себя вести. «Вдруг старичок начнет мне перечить? Не должен бы... Взять хотя бы мою матушку. Уж на что была властная женщина, а состарилась, и не узнать. Старый, что малый... Но все-таки допустим, что этот норовистый дед осмелится возражать. Тогда завтра же в райком! Хорошую, скажу, мне поддержку оказал: перед всем народом осрамил! А все потому, что на вас надеется!.. Проглотит!.. Не снимать же, если месяц назад поставили».

Когда Ильяс киши вошел, все поднялись с места. Не встали только председатель да Селим киши. Старик с трудом приподнял тяжелые густые брови и, толкнув локтем сидевшего рядом человека, велел освободить стул. Похлопав по сиденью, предложил Ильясу сесть рядом и протянул ему руку.

– Чего тебя не видно, Селим?

– А чего смотреть-то, будь она проклята, эта старость!.. Сам в зеркало никогда не взгляну, чего других-то своей рожей пугать?! Торчу в углу, словно мешок с трухой!..

Ильяс киши искоса посмотрел на Керима. Над широким председательским столом склонилась большая голова на красной короткой шее – председатель что-то писал. «Росточком-то ты не велик», – отметил про себя Ильяс киши. Председатель ему не понравился. Не потому, конечно, что красное лицо и короткая шея. А потому, что притворился, будто не заметил его прихода.

Оглядев собравшихся, Ильяс киши заметил Иси – кивнули друг другу. Люди тихонько перешептывались. Председатель продолжал писать. Наконец, поднял голову, взглянул неодобрительно...

– Так вот! – прорезал тишину недовольный голос. – Я тут просмотрел кое-какие документы. Дальше так продолжаться не может! В домах полно женщин, а в поле работать некому! На работу должны выходить все. Ильяс киши! – председатель обернулся к старику. – Почему не разрешаешь невестке работать?

– Нет, сынок, я тут ни при чем. Они сами по себе. Работать будут, учиться – мое дело сторона.

– Ладно! С завтрашнего дня пусть выходит на работу. Пятьдесят лет как женщине предоставлена свобода, а ты свою невестку запер да замок повесил!

– Это в двадцать пятом твои слова, может, и к месту были... Тогда женщины и впрямь понятия не имели, какая такая свобода... А теперь, сынок...

– Во-первых, я тебе не сынок! – прервал старика Керим, – а председатель колхоза! И будет так, как я сказал!

Стало тихо. Ильяс киши покачал головой.

– Это ты, конечно, прав. Какой ты мне еще сынок?.. Ты «сын тетки Тукезбан»! Так ведь люди тебя зовут?

Кто прыснул, кто ниже опустил голову. Председатель побагровел. Вскочил, трахнул кулаком по столу...

– Все! Поболтали и хватит! Пяток спекулянтов – весь колхоз развалили!.. А невестку незачем на замок запирайте! Работы невпроворот – у мужиков до своих-то баб охоты нет, никто к твоей липнуть не станет!

Ильяс киши вскочил.

– Много себе позволяешь, – мрачно произнес он. – Зарвался, сынок! Не обрели тебе уши вовремя! – Старик посмотрел на председателевы уши, уши и впрямь были странные, загибались вперед. – Погоди – обрежут! – И Ильяс киши направился к двери.

Все растерялись. Керима прошиб лоб. Селим киши с непривычной для него резкостью рванулся вслед за Ильясом.

– У тебя что, винтика не хватает? – спросил Шеми, удивленно глядя на председателя.

Селим киши обернулся в дверях.

– Ему не винтик нужен! По нему пуля плачет!..

Шеми тревожно взглянул на сидевшего в уголке Иси киши. Очень бледный, тот крепко сжимал в руках рукоять кирки – пришел сюда прямо с поля.

Один за другим люди выходили из кабинета. Не вставая, Иси киши знаком велел Шеми уйти.

– Дядя Иси! – Шеми испугано метнулся к старику. – Пошли вместе! Пошли!

– Иди, сынок, – Иси старался казаться спокойным. – Мне председателю пару слов сказать надо.

– Дядя Иси! Ради детей твоих! Идем домой!

Керим растерянно поглядел вокруг – дело принимало неприятный оборот. Лучше всего встать бы сейчас да уйти, но уходить было поздно. Он перевел взгляд на Мустафу. Тот встал и не спеша направился к двери.

– Дядя Иси, отцом тебя заклинаю – пойдем! – Шеми теребил старика за рукав. – Нужно тебе поговорить, придешь завтра, скажешь... А сейчас идем! Дядя Иси!.. – и Шеми чуть не волоком потащил его к двери.

– Ну, сукин сын, – сквозь зубы процедил Иси, – твое счастье, что парень тут оказался!.. Дал бы я тебе жизни!..

Кабинет опустел. Глубоко вздохнув, председатель достал платок, вытер пот. «Надо же!.. Они здесь, выходит, все психованные: и мужики, и старики!..»

Он взял трубку и набрал номер.

– Гюлечка? Первый у себя? Это Керим, новый председатель из Сарыгаялар. Да, да... А ты все цветешь?.. «Красная Москва!? Конечно, помню!.. Гюля, тут вот какое дело. Думаю, завтра у вас появится старик, длинный, тощий такой, волосы седые, кудрявые. Да... Ну так вот: не пускай его к первому, поняла? Да потому, что демагог и сплетник!.. Спросишь сначала, откуда, мол, вы дедушка... Ха-ха-ха!.. Тебя учить – только портить! «Красная Москва» за мной!.. Привет, Гюлечка!

Ильяс киши пришел домой сам не свой. Хотел было наколоть дров, да почувствовал – нету сил. Подошел к гнедому, провел рукой по лоснящемуся крупу, потрепал коня по холке: «Вот, какие люди-то есть... На фронт такого отправь, за спины прятаться будет. В тылу оставить – детей с женщинами не доверишь. Да хоть и без войны, хоть теперь – на что они такие нужны?.. Такой, как чирей на лбу: выдавить – больно, не выдавишь – внутрь гниль пойдет...»

Старик не находил себе места. И, странное дело, не смел подойти к невестке, вроде виноват перед ней. А в чем вина, и самому не понятно.

Послышались голоса, скрипнула калитка – вошли Шеми и Иси киши.

– Детка, гости у нас! Давай-ка самоварчик! Поднимайтесь на эйван! – Ильяс киши улыбнулся вошедшим. – Я сейчас, коня только в стойло поставлю!

Гости переглянулись.

– Веселый... – удивленно сказал Шеми.

– Это самое плохое и есть. – Иси киши вздохнул. – Надумал что-нибудь. Вот и прикидывается веселым, чтобы разговор не заводить...

Сели пить чай. Старики помалкивали, Шеми с воодушевлением рассказывал о Баку.

Ильяс киши прекрасно понимал, чего ради Шеми завел окольный разговор. Слушал, поддакивал...

Шеми допил чай. Вытер пот с лица. На минуту взгляд его задержался на лампочке, подвешенной на ветке. «Будто айва светится... Хотя нет, больше на грушу похожа...»

– Райком у нас хоть и молодой, – начал он, – но человек понимающий. Знает людям цену. Тогда, после разговора с вами, сколько дней имя ваше с языка не сходило!.. – Шеми был доволен, что удачно повел разговор.

– Он мне тогда понравился... – Иси киши в задумчивости погладил цветы на скатерти. – Грамотный мужик. И, вроде, соображает. Думаю, поговорить надо с ним....

Чтобы гнал этого дурака из деревни!..

– И прогонит! – уверенно заявил Шеми. – Запросто!

«Так-то оно так, – Ильяс киши молча подал невестке пустой стакан. – Только райком может сказать: что ж у вас, дорогие мои, выходит? Сами ругали нас, каждый год, мол, председателей меняем, а тут два месяца не прошло, снять требуете!..»

Когда Гюльзар спустилась, чтобы заварить свежего чая, старик сказал, ни к кому не обращаясь:

– Схожу завтра в райком... Посмотрим...

Гюльзар долго не могла заснуть. Обидно было, что Ильяс киши упорно не хотел при ней говорить с отцом. В первый раз в полной мере она ощутила свое одиночество – словно заперта где-то на дне пустого колодца: никого не слышит, не видит...

И спать одной в эту ночь было как-то особенно грустно... Она встала, накинула на плечи пиджак Шахина, потом начала закутываться в него. Будто это не пиджак Шахина, будто он сам, живой, горячий, обнимает ее. Слезы навернулись на глаза. Гюльзар потерлась о пиджак щекой, сунула нос в рукав...

Засыпая, она ощущала себя маленькой-маленькой девочкой, а Шахин был такой огромный – она исчезла, пропала в его руках. Уснула...

Ильясу киши тоже не спалось, задремал было под утро, но тут заголосили пехи, и заснуть ему больше не удалось.

Когда Гюльзар встала, старика дома не было. Во дворе – тоже.

Появился он уже в полдень, когда Шелале вернулась из школы.

– Ты где пропадал, дедушка? – бросилась к нему девочка. – Гюля говорит, без чая ушел! Куда ты ходил?

– Все-то тебе нужно знать, бесенок!..

Гюльзар растелила под айвой коврик, положила тюфячок, подушки... Принесла тазик и кувшин.

– Разувайся, дедушка, ноги вымою, сразу полегче станет!..

Она делала все так споро и ловко, что старик не сумел отказаться. Стоял полуденный зной. Да еще кузнечики – от их монотонного стрекота казалось еще жарче. Навевая истому, томно ворковал голубь. Хотелось закрыть глаза и подремать...

Он, конечно, устал, крепко устал, но пусть никто не знает об этом. Ни Селим, ни Иси не должны узнать, как его сегодня приняли в райкоме.

А приняли его так.

Узнав, что он из Сарыгаялар, девушка-секретарша улыбнулась и опустила голову. «Посидите, – сказала она, – подождите немного». Он просидел два часа. Девушка вошла в кабинет секретаря и, вернувшись, сказала огорченно: «Извините, но секретарь не может вас принять. Сейчас у него товарищи из соседнего района, потом сразу совещание. Может быть, завтра придете?»

Ильяс киши молча направился к выходу, но тут что-то словно толкнуло его в спину, он обернулся – секретарша смотрела ему вслед и ухмылялась. Встретившись с ним глазами, она испугалась, спрятала усмешку и, огорченно пожав плечами, развела руки в стороны.

Ильясу киши казалось, что он получил пощечину – лицо его пылало, но удар был не по щеке, удар был в самое сердце. Опустив голову, старик торопливо шагнул по улице – только бы не встретить знакомых!..

Гюльзар вытерла старику ноги, поднялась с полотенцем в руках.

– Не хлопочи, детка... Это ведь не усталость, годы это мои... Старость.

– Я сюда принесу поесть, хорошо? У меня говурма из зелени...

Говурму из зелени Ильяс киши поел с охотой. Вдоволь напился чаю. Совсем, вроде, хорошо стало на душе, но тут в памяти всплыла вчерашняя стычка с председателем, и опять старику стало плохо. «Что себе позволяет, а!.. Уши ему обкорнать, щенку!..»

Морщины гуще собрались на лбу Ильяса киши, брови нахмурились, и вдруг лицо его просветлело – перед глазами возникла именная винтовка с перламутровой инкрустацией на прикладе.

Когда собирали оружие, Ильясу киши никто не сказал, чтобы сдал винтовку, а самому это и в голову не пришло. А потом война... Мужчины ушли на фронт, а он остался с бабами да ребятишками – как было отдать винтовку? «Какой я им тогда защитник без оружия?.. Да это не просто оружие, подарок мне от советской власти».

Ильяс киши надел на босу ногу чусты и пошел в дом.

– Гюля! – крикнула Шелале. – Погляди на дедушку!.. Погляди, какой!.. – девочка захлопала в ладоши.

Гюльзар обернулась и замерла, пораженная. Ильяс киши стоял на эйване с винтовкой в руках. Прямой, стройный, на губах улыбка... Это не он! Дедушка Ильяс такой скромный, стеснительный, а у этого человека голова гордо вскинута, нос – как орлиный клюв, глаза сияют... Сухие, темные руки обожжены, ноги тоже голые до колен. Она уже забыла, что только что мыла старику ноги и сама засучила брюки; какой-то он был не такой, словно вышел из сказки...

Шелале подскочила к старику, осторожно потрогала винтовку. Снова в ветвях карагача заворковал голубь.

Прищурившись, старик поглядел на птицу.

– Смотри-ка, голубь-то без клюва!

– Как это без клюва?! Что ты, дедушка?!

Старик вскинул винтовку, грянул выстрел.

«Ой!.. – крикнула девочка. Цепляясь крыльями за ветки, голубь упал в траву.

Шелале и Гюльзар подбежали к птице. Клюва у голубя не было.

– Дедуля ему клюв отстрелил!..

– Нет, – старик с улыбкой поглядел на девочку, – такой уж он уродился – без клюва!..

Старик положил винтовку в траву, а сам подошел к гнедому. Конь обрадованно затопал навстречу, подошел, потерся мордой о голую руку. «Эх, стряхнуть бы лет пятьдесят, да и тебе помолодеть бы малость!.. Проскакали бы по деревне – пыль столбом... Сразу бы все эти дурни машины свои попродавали! Дай-ка копыто – взгляну!» – Ильяс киши легонько похлопал коня по груди. Гнедой заржал и, словно желая показать старику подковы, одно за другим поднял передние копыта. Ильяс киши покачал головой. «И чего мне взбрело на ум тебя подковать. Зря только мучил!»

– Добрый день, дядя Ильяс! – послышалось с улицы.

– Добрый день... Это ты, Хашимоглу? Постой-ка!

Ильяс киши недолюбливал этого человека. Хашимоглу был водителем председательской машины. Председатели менялись часто, менялись, хотя и реже, машины председателей, а водитель оставался тот же. У Хашимоглу было незаменимое качество, позволявшее ему остаться при любом председателе – он умел держать язык за зубами. Пока председатель был на должности, никто не мог добиться от Хашимоглу, что говорит, о чем думает председатель. Но зато когда человека снимали с должно-

сти, Хашимоглу много и охотно рассказывал о нем новому председателю – всегда приятно узнать о слабостях своего предшественника.

Видя, что Ильяс киши направляется к нему, Хашимоглу подошел к ограде.

– Где сейчас председатель? – спросил его старик.

– В правлении... – сказал Хашимоглу и, скорбно понизив голос, добавил: – Я слышал, вы с ним вчера... – взглянул в лицо старику и осекся. – За ним иду – домой проводить...

– А чего ж не на машине?

– На той стороне оставил. Неохота под вашими окнами пылить...

Ильяс киши недоверчиво поглядел на парня. Тот опустил голову.

– Мы ее только покрасили. А дорога тут – вон ивы разрослись, поцарапаешь...

Я его и уговорил, чтобы возле моего дома оставлять. Десяток шагов и пешочком пройдет!..

– Если ивы мешают, возьми топор да сруби! Для тебя ничего не жалко.

Хашимоглу с сожалением посмотрел на старика: всерьез или насмешки строит?.. Но слушать такое было приятно.

– Спасибо, дядя Ильяс, обойдемся. Пускай там стоит, ребяташки присматривают.

В кабинет председателя Хашимоглу вошел, улыбаясь.

– Чего это ты такой веселый? – поднимаясь из-за стола, спросил Керим.

– Да Ильяса киши сейчас видел...

– Ну и что?..

– Ушам своим не поверил!.. Будто подменили человека. Чего это ты, говорит, председателя пешком ходить заставляешь? Я ему – твои ивы, мол, мешают. Если, говорит, мешают, руби, я не против. Что ты, говорю, дядя Ильяс, разве председатель позволит – он человек культурный!.. Просто, говорю, ты ему под горячую руку попал...

– Постой, постой! – Керим подошел к столу, взял телефонную трубку. – Алло, Гюлечка? Да, я председатель из Сарыгаялар!.. «Красную Москву»? Конечно, помню. За мной «Москва». Приходил? Так ... Утром? Ясно... Ха-ха-ха!.. Значит, отправился несолоно хлебавши? Молодец, Гюлечка, цены тебе нет! Нет, милая, я друзей не забываю! Будь здорова! – он положил трубку, улыбнулся, покрутил головой... – Вот так, Хашимоглу! Только так. Люди должны одного старшего над собой знать, одного бояться. А у вас только и слышишь: Ильяс киши, Ильяс киши!.. Подумаешь, пятьдесят лет тому назад с винтовкой по горам скакал!.. Доведись нам с тобой, может, и не хуже скакали бы!..

– А Ильяс – вон он, опять у ворот стоит... – заметил Хашимоглу, когда они вышли на улицу.

– Пусть себе!.. – беззаботно бросил Керим, однако замедлил шаг. Поравнялись. Непохоже, чтобы собирался здороваться. Хашимоглу заметил, вроде он какой-то не такой... Глаза какие чудные...

– Добрый вечер, дядя Ильяс! – сказал Хашимоглу.

Старик не ответил. Все его внимание было сосредоточено на председательских ушах. «Так... Блестят, это хорошо, лучше видно... Пройди малость вперед... Вот так... Теперь повернись... Ко мне лицом!.. Ну, повернись же!»

– Ильяс киши, – сказал председатель, задетый тем, что старик не собирается

с ним здороваться, – говорят, ты в райкоме побывал? И как там тебя секретарь встретил, а? Если завтра надумаешь... – он повернулся к старику и увидел сверкающий взгляд и отверстие винтовочного дула.

Раздался выстрел. Керим почувствовал, что оглох, потом куда-то провалилось сердце, и земля стала уходить из-под ног. Он рухнул на землю.

– Дядя Ильяс... Дядя Ильяс!.. – вытаращив глаза, лепетал Хашимоглу. – Пощади! Ради твоего Шахина! Детишки маленькие... Я тут ни при чем!.. Этот сукин сын...

Ильяс киши недоуменно взглянул на Хашимоглу. Казалось, он только сейчас пришел в себя.

– Нужен ты мне!.. Лучше поди да водички принеси! В чувство привести!.. – он повернулся, прошел несколько шагов. – Да штаны не забудь сменить... Мужчина! – Ильяс киши больше он не оглядывался.

Вокруг распростертого на земле председателя уже толпился народ.

– Помер?!

– Живой?!

– Без памяти просто...

– Сердце зашло от испугу...

– Воды ему дать! Воды!..

Председатель поднял веки, повел вокруг мутными глазами...

– Хватайте его! – закричал он, даже не пытаясь сесть. – Уйдет!

Люди молчали.

Бухгалтер сунул ему руку под голову, поднес к губам стакан с водой.

– На вот, попей... И успокойся, ничего с тобой не случилось. Ухо поцарапано...

Председатель еще лежал в пыли посреди дороги, а о покушении на него знали все, даже те, кто работал в поле.

***

Селим киши как пришел из правления, лег и сразу же заснул.

Проснулся он поздно и, лежа под марлевым пологом на стоявшей в саду деревянной кровати, опять начал вспоминать прошлое.

Считай, обреченными были они тогда, к смерти приговоренными. Отряд Гара Мамиша рос с каждым днем, кольцо сжималось день ото дня. И пришел Ильяс. Знал, что рискует головой, что для Сарытеля он больше не друг, а кровник, а пришел... Спасти их.

Раздался выстрел. Селим киши рывком сел в постели. Солнце уже высоко. Рядом стоит завтрак, прикрытый газетой... Будить его невестки не осмеливались, проснетя – поест. Три сына, три невестки, – все здесь в одном дворе. Внуков уже восемнадцать штук, не всех и по имени-то знает, последние чего-то никак не вспоминаются... Старший из внуков, Рустам, с детства запал в душу. На пенсию ушел, «Москвича» купил парню...

– Сынок, – позвал Селим киши сидевшего на айване Рустама. – Что это за стрельба?..

– Поехать, посмотреть? – Рустам вскочил, торопливо дожевывая кусок.

– Давай, поглядишь и обратно. Никуда не уезжай, понадобится. Пятизрядка... – пробормотал старик и, покачав головой, взял с тарелки газету.

Поел немного, сам не понимая, что жует. Велел, чтобы убрали. Что-то надо делать, а вот что?.. Раздался второй выстрел. Старик кубарем скатился с постели.

«Точно, пятизарядка! Давеча со сна не разобрал!.. Она!.. – Селим киши доковылял до ворот, выглянул, вроде, тихо... Хотел было уже вернуться, но тут со стороны правления послышались голоса, крики... – И парень куда-то провалился, чтоб ему!.. Нет... Едет...»

– Дедушка! – резко затормозив, крикнул Рустам. – Ильяс киши в председателя стрелял! Садись!

– Знаю! – Селим киши без сил опустился на сиденье.

Он сам поразился тому, что сказал: «знаю». Откуда знал? Но знал.

– С чего это он? – спросил Селим киши. Так спросил, для порядка.

– Не понял я... Председатель из правления шел... А дедушка Ильяс вышел на встречу и... Возле самого своего дома...

– Убил?

– Нет... Хасан рядом стоял, говорит, ухо задето. И волосы опалило. А он без памяти... Такой мужчина из-за царапины в пыли валяется!..

– Со страху... Ладно, давай к Ильясу. Да помалкивай, больше на дорогу гляди! Машина остановилась. Подбежала Шелале.

– Дедушка Ильяс ушел, – зачастила она, сунув голову в окошко машины, – и ружье с собой взял... В ту сторону пошел... Туда!..

Селим киши тронул внука за плечо.

– Давай, сейчас догоним... А ты не бойся, – сказал он, обернувшись к девочке.

– Только из дому никуда. Слышишь?

Девочка кивнула

Ильяса догнали они уже за мостом. Он молча кивнул Селиму и, не говоря ни слова, сел рядом. Винтовку он положил на переднее сиденье, но Рустам так покоился на него, что Ильяс киши усмехнулся и переложил ружье к себе.

– Незаряженное... Взял, чтобы сдать...

Ниса, узнав о случившемся, со всех ног бросилась к дому Ильяса.

«Чтоб они все пропали!.. Девочка, небось, напугалась до смерти!..»

Добежав, она первым делом попросила воды.

– Совсем сердце зашло... Такое на нашу голову!.. А Иси как узнал – с вечера сам не свой сделался, места себе не находил. Голову, говорит, даю на отсечение, быть беде!.. Убил, кричат!.. Ничего он ему не сделал, подумаешь, ухо оцарапал!.. Он же сказал, уши тебе укоротить надо... А у Ильяса сказано – сделано!..

Ильяс киши сидел, опустив голову. Селим не спускал глаз с прокурора. А тот все молчал, перебирая на столе бумаги, и казался растерянным...

– Вы можете подтвердить, что пуля только задела ухо? – спросил он наконец Селима киши.

– Да, – Селим киши утвердительно кивнул, – царапина, будто колючкой... Еще волосы малость опалил.

Когда Селим произнес «еще», Ильяс киши встревоженно поднял голову.

– Значит, опалил? – сокрушенно сказал он. – Глаза подвели. Стар стал...

– Вы очень плохо поступили, Ильяс киши! – сказал прокурор, с трудом удержавшись от смеха. – Поставили нас в тяжелейшее положение. Если вас оскорбили, вы должны были пойти к секретарю райкома.

– Я приходил... – слова эти вырвались у Ильяса киши помимо его воли. Селим удивленно посмотрел на него.

– Когда? – спросил прокурор.

– Сегодня... С утра...

– И что ж секретарь вам сказал?

– Ничего... Прождал два часа. Девушка эта... что у двери сидит, люди, говорит, у него. Потом сказала, что будет совещание, и он не успеет меня принять.

– Этого не может быть! Он не мог вас не принять!..

Зазвонил телефон. Прокурор взял трубку.

– Алло! Где? В Сарыгаялар? На розыски? Не нужно розысков, он здесь, у меня. Да, сам явился.

Прокурор положил трубку, снова поднял, набрал номер.

– Товарищ секретарь райкома? Да, я... В курсе... Скажите, было утром у вас совещание? Ну да. Ильяс киши приходил к вам. Значит, просто не сказала... Понимаете, товарищ секретарь...

Дальше Ильяс киши уже ничего не слышал, в голове зазвенело, перед глазами встало наглое ухмыляющееся лицо. «Такая мозглявка ... над старым человеком!..»

Отворилась дверь, и в кабинете появились Шеми и Иси киши. Вошли и остановились.

– Что вам нужно? – недовольно спросил прокурор. – Кто вы?

– Мы из Сарыгаялар. Я – Шеми, бригадир тракторной бригады, а этот – Иси-киши...

– Да, да... Я помню... Что вы хотите?

– Мы хотим... Мы за дедушкой Ильясом. Без него не уедем!..

– Это что за разговор? Вас вызывали?..

– Нет, мы сами... Мы подождем. Нам где подождать? Во дворе?..

– Нигде! – прокурор повысил голос. – Вам здесь нечего делать!

– Так мы же..

Селим-киши бросил на Шеми недовольный взгляд. Тот опустил голову.

– Ладно! – махнул рукой прокурор. – Садитесь. Только заступничество ваше не нужно. Мы знаем и уважаем Ильяса киши не меньше вас. Но пуля могла угодить в голову!

– Не могла! – твердо сказал Ильяс киши.

– Почему? Какие-нибудь два сантиметра!..

– Ухо что – больше головы? – Ильяс киши удивленно взглянул на прокурора, как можно не понимать такие вещи. – Хотел бы в голову, в голову целился бы. Мне ухо нужно было!..

Дверь отворилась. Вошел статный молодой человек.

– Товарищ прокурор, следователь Джафаров явился...

Прокурор знаком прервал его.

– Дядя Ильяс, подождите, пожалуйста, в коридоре.

Все направились к двери. Селим киши встал, подошел к двери, плотно приотворил ее и подошел к прокурору.

– Сынок! Председатель позволил себе такое, что только кровью смыть! Раньше за такие слова головы не сносить бы! Он честь задел! А советская власть не позволяет человека унижать. Мы хотим высоко держать голову! Словом, уеду я только с Ильясом!

– Хорошо, хорошо!.. – с досадой произнес прокурор. – Не волнуйтесь, дедушка! Подождите в коридоре.

– Тебе придется заняться этим делом, – прокурор озабоченно посмотрел на молодого следователя. – Имей в виду, каждое слово этого Ильяса киши – правда. Такие не лгут. Отпусти его на поруки, отдохнет пару дней, потом вызовешь...

Снова зазвонил телефон.

– Слушаю, товарищ секретарь! Так... Значит, предупредил секретаршу, чтобы не пускала к вам?! Ясно! Чтобы оскорбить старика! Ясно! Совершенно ясно! – Прокурор положил трубку. – Прежде всего надо поговорить с этой девицей и с пострадавшим. Устрой им очную ставку!..

***

Когда старики вернулись в деревню, уже темнело. Селим довез Ильяса киши до дома, но из машины не вышел.

– Голова побаливает... Да и спать пора...

– И то правда, – Ильяс киши шутливо покачал головой. – Сна тебя сегодня лишили. Дремал бы себе весь день.

– Все из-за тебя, безобразника!.. – Селим исподлобья взглянул на Ильяса, пряча в усах улыбку. Тронул за плечо внука: – Поехали!

Дома он сразу лег. Велел внуку растереть себе спину, потом сказал, чтобы позвал отца и обоих дядьев. Сыновья явились все сразу и сели возле отца.

Селим киши долго лежал молча, уставившись взглядом в какую-то точку на потолке. Боль не давала вымолвить слова, шевельнуться. В груди резало, как ножом, отдавало в лопатку, в руку... Казалось, это боль держит его глаза устремленными в одну точку. Чтобы хоть немножко отвлечься от боли, старик попытался вспомнить что-нибудь. Вспомнил. Вспомнил, как тогда в горах совсем они пропадали, все теснее сжималось вокруг них кольцо... Пришел Ильяс... Нет, от этой проклятой боли ничего не помогает! Старик закрыл глаза, снова открыл... На сыновей он не смотрел. Те тоже отводили глаза – знали, что если отец не смотрит, значит, сердится.

– Стыдно мне было сегодня за вас. Очень стыдно. В такую минуту не было моих сыновей рядом с Ильясом..

– Отец... – старший несмело поднял голову. – Зачем мы, когда ты там? Мы, было, хотели... Да решили, рассердишься...

– Ну вот, вроде и боль потише...

Селим скользнул взглядом по лицам сыновей. Усмехнулся. Подумал: «Здоровые мужики, а сидят, как нашкодившие мальчишки!»

– Ладно, может, и правильно... Пока я жив. А помру, не бросать Ильяса – поняли мой наказ?! Старость – штука паршивая, всех гнетет, а он прямой, как тополь!.. И не давайте, чтобы согнули!.. Мертвеца на кладбище отнесли – невелика заслуга. Живому помощь нужна. Навестить, приветить, доброе слово сказать. Ну, ладно, спать хочу...

Это означало, что сыновья могут уйти. Они на цыпочках вышли из комнаты.

Не сон одолевал старого Селима, не мог он больше говорить. Черное пятно на потолке то исчезало, то становилось гуще, чернее... Потом пятен стало много-много, они слились в один огромный круг, и этот огромный черный круг то опускался, то вновь прилеплялся к потолку...

... Утром Ильяса киши разбудили громкие голоса. Он вышел на айван. На айване рыдал Рустам.

– Дедушка Ильяс!.. Умер!.. Наш дедушка умер!

– Ты что?! – Ильяс киши подскочил к парню. – Что ты сказал?!

Рустам отшатнулся, испуганный его взглядом.

– Я пришел... Думаю, разбужу – во дворе ему постелем на тахте... Посмотрел, а он... – договорить Рустам не мог. Губы задрожали, рыдания вырвались из груди...

– Ладно, сынок, иди... Я сейчас... – Ильяс киши замолчал. «Спокойно, Ильяс!.. Стой прямо! Ноги!.. Не держат, проклятые! Стой! Так. Теперь вниз спускайся! А как спускаться? Как ноги ставить, пытаюсь вспомнить, как надо ставить их, чтобы спуститься. Возьми себя в руки, Ильяс! Девочка смотрит!.. Невестка смотрит!.. Держись, Ильяс!..»

***

Гюльзар весь день не могла закончить письмо. Писала, выбрасывала, снова принималась писать. Никак не получалось про дедушку. В конце концов вышло так:

«У дедушки все в порядке! Чувствует себя хорошо, настроение прекрасное! У меня тоже все хорошо! И у папы с мамой! Остальное место я оставляю чистым – это для восклицательных знаков! Береги себя! Одевайся потеплее! А ну их, эти восклицательные знаки! Целую тебя тысячу раз!..»

Тело уже готовились опустить в могилу, а Ильяс киши все стоял, все повторял, не отрывая глаз: «Встань, Селим! Встань!» Ему казалось, что если он сто раз повторит «Встань!», Селим обязательно встанет. Он успел сказать эти слова сто тридцать раз...

Чтобы не видеть, как тело опускают в могилу, Ильяс киши ушел на другой конец кладбища. Поднялся на скалу над речкой.

Стали расходиться. Хотели было позвать Ильяса киши, но Иси киши сделал знак: «Не трогайте»

Дождавшись, когда кладбище опустело, Ильяс киши спустился вниз, подошел к могиле, встал у ее изголовья.

– Эх, Селим!.. – помолчав, сказал он. – Разве друзья так делают?.. Бросил меня. Одно тебе оправдание – скоро вместе будем.

Он еще постоял немного и неспеша зашагал к деревне – высокий, прямой, статный...